

мой именно потому, что актъ перенесенія воль народа не можетъ быть провѣренъ, такъ какъ онъ никогда не существовалъ» (VI, 253), а потому въ объясненіи реальныхъ явленій силою, которая сама есть только отвлеченнное понятіе, онъ видить только призрачное объясненіе. Въ pendant къ этому разсужденію можно поставить другое, именно то, гдѣ рѣчь идетъ о свободѣ воли. Признавая послѣднюю въ области наукъ умозрительныхъ, но не допуская объясненія историческихъ фактовъ, какъ произведенныхъ безпричинными актами воли (VI, 266), гр. Толстой находитъ, что «для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ соединяются свобода и необходимость, и что составляетъ сущность этихъ двухъ понятій, философія исторіи можетъ и должна идти путемъ противнымъ тому, по которому шли другія науки: *вместо того,—поясняетъ онъ,—чтобы опредѣлить въ самихъ себѣ понятія о свободѣ и необходимости, подъ составленія опредѣленія подводить явленія жизни*, исторія изъ огромнаго количества подлежащихъ ей явленій, всегда представляющихся въ зависимости отъ свободы и необходимости, должна вывести опредѣленія понятій о свободѣ и необходимости» (VI, 272). Свобода воли есть отвлеченнное понятіе, и,—говорить гр. Толстой—«для исторіи признаніе свободы, какъ силы, могущей вліять на историческія события, т.-е. не подчиненной законамъ (причинности), уничтожаетъ возможность какого бы то ни было знанія» (VI, 285). Однимъ словомъ, гр. Толстой не вводить въ исторію отвлеченныхъ понятій въ качествѣ дѣйствующихъ въ ней силъ, не въ примѣръ многимъ философамъ исторіи: у него въ исторіи дѣйствуютъ только реальнаяя существа—люди, и они дѣйствуютъ не потому, чтобы были одарены особымъ качествомъ или заставлять себѣ повиноваться другихъ,